

О. Ф. ОРИШЕВА
Республика Беларусь, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВА «КОНЦА ИСТОРИИ» И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ: ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОСТМАРКСИЗМЕ

На сегодняшний день одной из наиболее распространенных и теоретически фундированных оценок современной культурной ситуации является ее квалификация как «постмодерной». За этим эпитетом скрывается осознание того, что за последние несколько десятилетий в сфере гуманитарных наук произошли значительные трансформации, одним из следствий которых становится изменение роли, статуса и возможностей социально-исторического познания. Такого рода изменения во многом связаны со знаменитой постмодернистской констатацией «конца истории», которую, однако, не следует воспринимать в качестве попытки дискредитировать историческое мышление как таковое. Речь скорее идет о том, что трактовка истории как объективного, закономерного и во многом независимого от действий конкретных индивидов процесса становится все более проблематичной.

Опыт XX в., «переполненного» катаклизмами и социальными потрясениями, подрывает мифологему «прогресса» и наводит на мысль о том, что история по самой своей сути катастрофична и непредсказуема. «Кризис исторической телеологии – это кризис веры в то, что история движется по направлению к некоей высшей цели, которую можно познать и достижение которой надлежит приблизить совместным действием, преобразующим наличное положение дел» [1, 107].

На первый взгляд перспектива «конца исторического» представляется сугубо пессимистической, так как невозможность охватить социальную динамику в рамках универсальной теории лишает агентов социального действия преимуществ, связанных с возможностями предвидения. Однако, как будет показано ниже, существует и иная точка зрения на проблему: констатацию контингентного, неупорядоченного характера истории можно рассматривать не только как повод для пессимизма, но и как позитивную возможность реального участия в ней. Вторая позиция, связанная с конструктивной оценкой сложившейся ситуации, является характерной для авторов, которых принято идентифицировать в качестве «постмарксистов».

«Постмарксизм» представляет собой не вполне обычное культурное образование, которое можно считать течением или направлением (в политическом и интеллектуальном смыслах этого слова) только с определенной долей условности [3, 120]. Само употребление термина в литературе достаточно расплывчато, и он нередко используется для обозначения исследований, которые отрицают или просто игнорируют возможности и концептуальный аппарат марксистской парадигмы. В данном случае мы будем вкладывать в это

слово совершенно конкретный смысл и обозначать им ряд современных социально-исторических концепций, для которых характерны, во-первых, парадоксальное отношение к марксистской традиции, выступающей одновременно как исходная точка теоретизирования и как объект жесткой критики, во-вторых, ориентация на создание новых политических проектов общественной эмансипации. Речь идет о таких персоналиях, как Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, Эндрю Арато, Андрэ Горц, Джин

Коэн, Агнеш Хеллер и Корнелиус Касториадис, концепции которого мы уделим особое внимание как в силу масштабности этого мыслителя, так и репрезентативности его построений для характеристики постмарксистских тенденций в современной социальной теории.

Несмотря на то, что на постсоветском гуманитарном «пространстве» марксизм во многом утратил свои позиции и отношение к нему далеко не однозначно, нельзя отрицать тот факт, что он был и остается исторически беспрецедентным начинанием, уникальность которого состоит в претензии на синтез политики и философии, предполагающий радикальную трансформацию входящих в него элементов. Как указывает Касториадис, такого рода синтез предполагает, что философия должна преодолеть собственный умозрительный характер и стать видом социальной практики, а политика – превратиться из совокупности техник манипуляции в сознательную, этически нагруженную активность, ориентированную на идеалы социальной справедливости [2, 62]. В данном ракурсе рассмотрения сама теория как набор понятий и объяснительных схем оказывается чем-то вроде «сгорающего» факела, и ее значимость определяется как способность инициировать и «просветить» революционную активность пролетариата как основного носителя освободительного импульса.

Таким образом, пресловутый Марксов детерминизм в понимании истории (закон смены общественно-экономических формаций) может интерпретироваться как попытка посредством теории стимулировать активность прогрессивных социальных сил, обеспечив их «научным» пониманием объективных исторических механизмов.

Напротив, принципиально важным моментом, определяющим специфику постмарксистской позиции, является убежденность в том, что такого рода детерминизм, предопределенность хода истории и, соответственно, предустановленный характер ролей, которые призваны сыграть в ней представители различных классов, несовместим с политической активностью в «высоком» ее понимании. Только в том случае, когда история рассматривается как открытый навстречу неизвестным возможностям творческий и непредсказуемый процесс, вырисовываются перспективы сознательного участия в ней.

Весьма показательной в этом отношении является разработанная К. Касториадисом концепция «социального воображаемого», которое трактуется как онтологически укорененная инстанция, определяющая специфику социально-исторической реальности и обуславливающая неупражняемое многообразие прошлых и настоящих культур. Базовой характеристикой социального воображаемого является абсолютная креативность, постоянное генерирование новых социальных форм и образов *ex nihilo*. По мнению Касториадиса, на субстанциальном уровне, предшествующем образованию конкретных институтов и структур, общество представляет собой «магму», «варево» так называемых «социальных воображаемых сигнификаций», которые можно определить как своего рода коллективные фантазмы, выстраивающие тот или иной свойственный конкретной культуре образ мира и воплощенных в определенном наборе схем повседневной деятельности. Процессы, происходящие на уровне социального воображаемого, абсолютно недетерминированы, и предугадать, какие именно сигнификации «выйдут на поверхность» и закрепятся в конкретных общественных институтах и практиках, невозможно. Соответственно, историческое время понимается не как телеологическое движение к определенной цели, но как перманентный «взрыв-порождение».

Отказ от поиска универсальных закономерностей, в свою очередь, связан с убежденностью, что история творится «здесь и сейчас», в поступках конкретных индивидов, в результате чего агенту исторического действия вменяется персональная ответственность за происходящее. Радикализация историцистской установки имеет двоякое следствие: с одной стороны, утверждение «рукотворного» характера истории

«развязывает руки» для преобразовательной социальной активности и создает теоретические предпосылки для формирования нового образа политики как поля принятия сознательных (коллективных) решений, с другой стороны, оно лишает нас каких бы то ни было гарантий и вынуждает действовать «на свой страх и риск» в условиях принципиальной невозможности выработать окончательное знание относительно происходящего.

Возвращаясь к мысли, сформулированной в начале, можно сказать, что постмарксистская установка, сочетающая «оптимизм воли» с «пессимизмом интеллекта», проецирует определенный образ социально-исторического познания. С одной стороны, этот образ предполагает отказ от претензий на универсальность и даже от надежды на «асимптотическое приближение к истине», а с другой – непрекращающуюся работу, направленную на постижение настоящего (наряду с постоянным переосмыслением прошлого и построением гипотез относительно будущего) и связанную с прагматической заинтересованностью исследователя в том, чтобы сделать общество более справедливым.

1. *Фурс В. Н.* Эпистемологические импликации постмодерного состояния // Топос: философско-культурологический журнал. 2000. № 1.
2. *Castoriadis C.* Imaginary Institution of Society. Camb., 1987.
3. *Tormey S.* Post-Marxism, Democracy and the Future of Radical Politics // Democracy & Nature. March 2001. Vol. 7. Issue 1.